

— Паулина Степановна, как вы попали в «Современник» и почему, не имея актерского образования, согласились играть в спектакле? Боязно было выходить на сцену?

— Однажды мне позвонила незнакомая женщина и представилась: главный режиссер театра «Современник» Галина Борисовна Волчек. Она рассказала о том, что ее театр приступает к постановке «Крутой маршрут» и ей необходим человек, хорошо знающий нравы и порядки лагерей сталинских времен. «К тому же, — сказала Волчек, — вы были под-

этапу на Колыму. От Ярославля до Владивостока нас везли целый месяц в вагонах для скота. Был июль, стояла страшная жара. Мы обливались потом. В день на каждого полагалось только по одной кружке воды.

Я обратила внимание на женщину с огромными, темными глазами и такими же темными волосами, распушенными до плеч. Я смотрела на нее и любовалась, на вид ей было не больше 35 лет. Потом услышала, что ее зовут Женей и она из Казани. «Как ваша фамилия?» — спросила я прекрасную незнакомку. — «Гинзбург!» Тут

малой опасности. Если бы об этом узнала наша начальница Цу-мерман, то в лучшем случае Женя была бы посажена в карцер...

Когда Женя вышла из лагеря, то поехала на поселение в Магадан. Она очень хотела, чтобы я тоже туда приехала, но меня отправили в Северное управление, в поселок Ягодное. Выглядела я тогда весьма экзотично. На мне была телогрейка, юбка, сшитая из рваного детского одеяла, на ногах — чуни. Лицо, черно-грязное от мороза и ветра, ничего не выражало, кроме постоянного голода. В таком виде я встретила со сво-

Начиная с 1957 года Женя наконец-то могла спокойно писать, а в свободное время играть на пианино. Это пианино, подаренное ей Антоном Яковлевичем, я запомнила еще в Магадане. Большой инструмент стоял в крохотной комнатке, и Женя в первый вечер нашей встречи играла мне «Лунную сонату». Она играла, а я плакала от счастья, что наконец-то слышу живую музыку.

— А как Гинзбург все-таки удалось вернуться в Москву? Кто ей в этом помог?

— После смерти Антона Яковлевича Женя стала хлопотать о

Труд. - 1998. - 15 янв. - С. 6.

КРУТОЙ МАРШРУТ СУДЬБЫ

Бывшая политзаключенная играет саму себя в театре и снимается в кино

Такого в истории русского театра еще не было: непрофессиональная исполнительница в 88 лет выходит на сцену. Вот уже девятый сезон в театре «Современник» Паулина Степановна Мясникова, прошедшая в свое время через сталинский ГУЛАГ, исполняет небольшую роль в спектакле «Крутой маршрут» по повести Евгении Гинзбург, с которой вместе сидела на Колыме.

ругой Евгении Семеновны Гинзбург, а это будет спектакль и о ней. Поэтому лучшего консультанта нам не найти. Соглашайтесь!»

Конечно, я не могла отказать в такой просьбе и в течение двух с половиной месяцев ходила на репетиции как на работу. Не знаю уж, насколько я помогла рассказами о своих странствиях по тюрьмам и лагерям начиная с 1934 года и по 1948 год. Но постепенно стала своим человеком в театре, в котором меня теперь зовут Павочкой, как когда-то звали мои бывшие подруги в лагере.

Так вот, прошла первая премьера, вторая, и вдруг накануне третьего спектакля меня срочно вызывают в театр. Оказывается, актриса, игравшая одну из маленьких ролей, неожиданно заболела, и Галина Борисовна начала уговаривать меня выйти на сцену. Тогда я даже не могла представить, что такое возможно. Во-первых, я уже знала, что «нет маленьких ролей в искусстве — есть только маленькие артисты», как говорил Станиславский. Во-вторых, понимала: одно мое неверное движение, один бессмысленный жест — и атмосфера сцены разрушена. Хотя на первый взгляд кажется, что один человек в маске ничего не значит...

Все-таки Галине Борисовне удалось и тут убедить меня — вы-

я сразу вспомнила, что, отбывая ссылку в Казани, в газете «Красная Татария» часто читала статьи Евгении Гинзбург, которые мне очень нравились. Я рассказала ей об этом, и мы сразу подружились. В течение всей дороги Женя читала нам наизусть Блока, а также Достоевского, изображала в лицах «Горе от ума». Как ни трудна была наша дорога, но в лагере, на лесоповале было во сто крат хуже.

Сейчас я даже не представляю, откуда у нас брались силы, чтобы после изнурительной работы шутить, петь, а иногда и танцевать. Это давало возможность выжить, сохранить надежду. Хотя обстановка была безнадежная: вокруг сопки и лес, бежать некуда — все равно поймут или заморзят по дороге. Одежда была настолько плохая, что совсем не грела — надо было все время двигаться. Валенки нам не полагались, выдавали что-то типа стеганок, на которые сверху одевались лапти. Портянки использовали как шарфы или шили из них варежки иголками из рыбьей кости. Летом же мошкара заедала. Глаза опухали настолько, что веки утром не открывались.

— А как жилось Гинзбург в лагере?

— Вначале Женя работала вместе с нами на лесоповале, потом ее перевели в медпункт. Когда

● 1934 год. Первая ссылка в Казань.

им будущим мужем, который почему-то влюбился в меня, и мы спустя какое-то время (когда нам разрешили) уехали в Магадан.

Там я встретила с Женей и всей ее семьей. В крошечной комнате (расположенной в бараке) вместе с ней жили ее муж Антон Яковлевич Вальтер, четырнадцатилетний сын Василий Аксенов (который впоследствии стал известным писателем) и приемная дочь Антонина.

● Год 1998-й. Жизнь продолжается...

переезде в Москву. В столице ей помогал прописаться один высокопоставленный начальник, по национальности татарин. Когда Евгения была у него на приеме, то заговорила с ним по-татарски (живя в Казани, она хорошо выучила язык), и это сыграло решающую роль. К ней очень хорошо относился Борис Полевой и обещал напечатать в своем журнале «Крутой маршрут». Но прошло полтора года, а повесть не выходила. Неожиданно выяснилось, что эта книга уже напечатана в Италии. Женю вызвали в ЦК и стали прорабатывать, хотя она об этом ничего не знала и рукопись никому не передавала. Борис Полевой, испугавшись за свою репутацию (рукопись лежала у него в журнале), стал просить Женю, чтобы она сделала в газете заявление о краже рукописи, но она отказалась: не желала участвовать ни в каких махинациях.

Дом Жени всегда был открыт для гостей. Там можно было встретить разных людей, среди которых был и явный стукач. Я спросила как-то у Жени, почему она принимает этого человека? — «Павочка, не будет этого — придет другой, а я не буду знать кто. А этот мне известен, и я знаю, как себя вести в его присутствии», — ответила она.

У Жени была колоссальная работоспособность. Я видела, как она, смертельно больная, работала над второй частью «Крутого маршрута», вышедшего после ее смерти. Судьба распорядилась так, что я пережила Евгению и такую подругу, как она, больше не встретила в своей жизни. Спектакль Галины Борисовны Волчек дает мне возможность вернуться в то время, когда мы были с Женей вместе. Благодаря театру у меня как бы появилось второе дыхание, и в 80 лет я открыла для себя новый мир.

— Насколько мне известно, вы еще участвовали в съемках фильма А. Германа «Хрусталева, машины!» и в течение пяти лет ездили в Петербург на съемки.

— Как все артисты, я тоже стала суеверной и не хочу рассказывать о фильме, который пока не появился на экранах... Не знаю, что оказал мне протекцию, но после первых проб я была утверждена на роль старой матери в одной интеллигентной семье. Во время съемок меня просили ничего не изображать, просто оставаться самой собой. Сделать мне это было не очень трудно, так как время действия фильма — до боли знакомо: это время сталинских репрессий, время доносов, арестов, страха...

Так случилось, что искусство заставило меня заново пройти мой жизненный путь. Нет, я не стала актрисой, просто помогала в меру сил деятелям театра и кино своим присутствием убедить зрителей в документальной правде того страшного времени, о котором забыть нельзя. Я уже прожила 88 лет, но при этом никогда не скажу, что жизнь для меня закончилась... Быть может, еще найдется режиссер, который захочет использовать мою «фактуру» или мой опыт? Как знать...

Беседу велась
Любовь ЛЕБЕДИНА.

● «Крутой маршрут» в «Современнике» — в самом центре наша героиня.

йти на сцену, благо спектакль я знала наизусть. Перед началом действия я вся дрожала от напряжения, но как только в проеме дверей появился артист, исполняющий роль начальника охраны, — мне показалось, что я вернулась на 50 лет назад, и внутри у меня все похолодело. Страх перед выходом на сцену — это ничто по сравнению с «тем» страхом...

Думала ли я, в свои 25 лет надрываясь на лесоповале, что в 80 окажусь в Америке и буду вместе с артистами «Современника» играть пьесу своей подруги, давать интервью американским журналистам и выступать по телевидению?

— Как и где вы познакомились с Евгенией Гинзбург?

— После того как я отсидела в ярославском изоляторе два с половиной года, меня отправили по-

известный хирург Петухов увидел Женю (до этого они были знакомы), то стал хлопотать, чтобы ее перевели к нему в больницу.

У моей подруги было магическое обаяние. Один мужчина, живший на поселении недалеко от лагеря и работавший на молочной ферме, привязался к Жене. Между ними завязалась переписка. Этот человек очень многим рисковал, общаясь с «врагом народа». Но, несмотря на опасность, как мог помогал Жене, передавал ей маленькие посылочки. Потом, когда она освободилась и переехала в Москву, приезжал к ней в гости. Думаю, он любил ее до конца жизни. И когда узнал о ее смерти — написал мне в письме: «Скоро мы воссоединимся с Женей там — на небесах». Жена на его любовь отвечала только дружбой, но, переписываясь с ним в лагере, тоже подвергала себя не-

— А почему Гинзбург удочерила Антонину? Как это произошло?

— Женя работала в детском саду, где детей забирали только на выходной. Однажды туда пришла женщина и привела с собой маленького мальчика и девочку, за которыми больше не пришла. Когда наступила суббота, трехлетняя девочка стала просить Женю забрать ее к себе домой. Гинзбург пожалела и взяла. Постепенно Антонина вошла в новую семью и ее удочерили. Она закончила театральный институт, работала актрисой в Русском театре в Минске. Сейчас живет в Америке.

— Когда и где Гинзбург начала писать «Крутой маршрут»?

— Во Львове. В этом городе жила ее подруга Юлия Курепова, которая пригласила ее к себе. Антон Яковлевич как врач имел там хорошую частную практику.